

НОВЫЙ ОБЛИК ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ФАНТОМ ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Удивительное дело, российская армия стала источником не только плохих новостей. Уже объявлено, что формирование нового облика Вооруженных сил *в целом* закончено (какое хитрое слово *в целом*: оно подразумевает отсутствие вопросов про *частности*, хотя вопросы эти вроде бы никуда не делись). Удачное испытание стратегической ракеты *Булава* после череды неприятных неудач стало очень эффектной *запятой* в долгой и не слишком удачной истории реформирования Вооруженных сил последнего времени.

Наверное, наши Вооруженные силы заслужили этот успех. Хотя в то же время понятно, что он решает только частные, порой бюрократические задачи, оставляя в стороне куда более важные вопросы о том, зачем России в принципе нужен ядерный потенциал и каким он должен быть, чтобы соответствовать реальным потребностям страны. В конечном счете, та же *Булава* рассчитана на поддержание стратегического равновесия с США, что, конечно, дело хорошее, но не является первой необходимостью. Гораздо важнее понимать реальные возможности нашей страны с точки зрения тактического ядерного оружия. А вот поддержание в боеспособном положении сил общего назначения, напротив, смело может быть отнесено к ближайшим приоритетам. И оценивать эффективность и результативность военной реформы, наверное, надо именно с этой точки зрения.

В принципе, ничего неожиданного *реформа Сердюкова* в себе не несла. Более того, назовем вещи своими именами: *реформа Сердюкова* представляет собой процесс окончательной демобилизации остатков Советской Армии (готовившейся к войне в Европе со всеми вытекающими отсюда последствиями, и, напомним, без особых моральных издержек изменившей присяге на верность советской власти) и сброса накопившегося в Вооруженных силах генеральско-офицерского балласта. Балласта, который был активно неспособен ни к какой продуктивной военно-силовой деятельности.

Решение сбросить балласт через масштабную реорганизацию было по-аппаратному мудрым и, вероятно, в среднесрочной перспективе оправданным, тем более что существующие на бумаге дивизии на деле представляли собой максимум если полки. Поэтому бригадная форма организации остатков воинства – это, как говорится, на вырост, полноценных по боевым свойствам бригад в нашей армии, думаю, нет до сих пор.

Однако надо иметь в виду, что *реформа Сердюкова* не направлена в своей основе на укрепление военного потенциала нашей страны. *Реформа Сердюкова* направлена, *во-первых*, на то, чтобы спасти от развала то, что еще можно спасти, и, *во-вторых*, на то, чтобы навести в армии элементарный порядок. Второе, если судить по постоянным сообщениям о столкновениях на межнациональной почве, получается откровенно неважно, однако пер-

вая задача выполнена, а возможно, даже перевыполнена. Как водится в России, с грязной водой выплеснули много чего хорошего, однако что сделано – то сделано.

Но один вопрос тревожит меня больше всего: а армия ли это? Иными словами – является ли это сообщество молодых людей, соблюдающих режим дня, включая *тихий час*, служащих вблизи своего дома (надо полагать, следующим шагом нашего военного руководства будет перевод срочников на *домашний режим*, то есть разрешение им ночевать дома, а на службу приходиться к 8.30 утра), освобожденных от наряда по кухне и имеющих доступ в интернет, той силой, которая в случае надобности пойдет убивать и умирать за интересы государства и по его приказу? А это одна из тех *частностей*, которые могут поставить под вопрос успех реформы *в целом*. В свое время Льва Мехлиса, посетившего боевые порядки советских войск, только что сдавших Минск (напомню, на седьмой день войны), поразил вид спящих после обеда бойцов, в то время как немцы осуществляли перегруппировку сил. *Тихий час* – объяснили ему подоспевшие командиры. Характер у Льва Захаровича был, прямо скажем, не сахар, но, думается, для *оргвыводов* у него в данном случае были основания.

Теперь, прежде чем вы приступите к чтению номера, в значительной степени посвященного вопросам *нового облика* российских Вооруженных сил, я задам несколько вопросов по *частностям* развития этого нового облика.

Имеются ли у военного руководства России какие-либо новые взгляды на будущее бронетанковых войск? Дело здесь не только в том, что по части танков мы отстали от Запада лет на пятнадцать. Дело в том, что вся система бронетанкового вооружения, характерная для времен холодной войны, себя изжила, и это касается не только России. А вот способна ли современная российская военная элита *выдать на гора* новую концепцию боевого применения бронетехники и соответствующий ей заказ на новые образцы такой техники – большой вопрос.

Как обстоит дело с созданием перспективного многоцелевого вертолетного комплекса? Конечно, *Черная акула*, *Аллигатор* и прочие образцы вертолетной техники, которые вроде бы начали поступать на вооружение российской армии, – дело хорошее. Однако, во-первых, этим машинам уже по 20–25 лет и даже с учетом пресловутой *глубокой модернизации* они уже морально устарели. А во-вторых, и в-главных, вертолетный комплекс есть система взаимодополняющих машин, призванных выполнять различные задачи на поле боя.

Имеются ли планы развития мобильного компонента сил общего назначения? Пока от всего, что исходит от нашего военного руководства, веет глубоким презрением к мобильному компоненту. Но, может быть, я ошибаюсь?

Как обстоят дела с созданием перспективного ударного авиационного комплекса? Конечно, на разных авиасалонах нас периодически поражают то *невидимками*, то самолетами, способными выполнять немыслимые фигуры. Но вообще-то российским ВВС, с учетом общей военно-политической ситуации, нужно совсем другое: самолет средней дальности, носитель дальнобойного высокоточного оружия – крылатых ракет оперативно-тактической дальности. И, кстати, неплохо было бы получить и самолет непосредственной поддержки войск, поскольку Су-25 устарел еще в момент постановки на вооружение, а это было больше 30 лет назад. Пора бы...

Какие планы у военного руководства есть в отношении развития сержантского корпуса? Мы ведь понимаем, что в условиях перехода на один год службы реально боееспособными станут полностью кадровые подразделения, а номинальная боееспособность остальных будет поддерживаться только за счет сильных сержантов. А их нужно готовить, воспитывать и поднимать их статус.

Есть ли у военного руководства России видение обновленной системы взаимоотношений с российским ВПК, или же оно будет уповать и далее на возмож-

ность закупки боевой техники за рубежом и отверточную сборку? У российского ВПК осталось максимум семь–восемь лет в запасе, после чего деградация (особенно по обычным вооружениям) станет необратимой. Такая угроза уже возникала. Инициатива реформирования ВПК под конкретные задачи и конкретные угрозы всегда исходила от военного ведомства. А как будет на этот раз?

А пока мы ждем ответы на эти вопросы, скажу одно: уверен, что формировать новый облик Вооруженных сил пора заканчивать. Пора начинать их укрепление. Самое время.

Дмитрий Евстафьев
Член Редакционной коллегии

